

Когнитивная метафора в «сакральном» пространстве внутреннего мира

Аннотация. В статье рассматриваются удмуртские слова и выражения, передающие наши эмоции, переживания, которые раскрывают пространство внутреннего мира человека. Безусловно, оно является сакральным. Сакральностью наделялась вся «ментальная деятельность человека, прежде всего слово и ритуальные тексты, содержащие важную для общества систему ценностей и смыслов». Зачастую эти слова находятся у нас на языке, но мы перестаем их чувствовать и улавливать как метафору. При семантическом и этимологическом анализе таких лексем исследователь обнаруживает интересные образы и представления наших предков. Язык же, в целях экономии, с удовольствием использует такие когнитивные структуры. Когнитивные метафоры создают тонко семантически дифференцированный язык чувств и вместе с тем обнаруживают тенденцию к семантическому сближению. Образность метафоры в этом случае ослабевает, что подтверждается скрещением, контаминацией образов. Иногда говорим о стертой метафоре. Так слова, обозначающие понятие скромности в удмуртском языке – *зйбыт, лачмыт, востэм* и т. п. – имеют значения ограничения свободы и (внутреннего) пространства, выраженные через языковую метафору.

Новизна исследования состоит в том, что впервые в удмуртском языкознании рассматриваются когнитивные метафоры, раскрывающие пространство внутреннего мира; актуальность – работа выполнена в русле современных тенденций. Для раскрытия первичной семантики необходимо углубиться в их значение, а также в когнитивные механизмы означивания. Анализ группы лексем позволил установить, что они, во-первых, связаны с ограничением внутреннего пространства человека; во-вторых, все они имеют конкретные праситуации, которые были метафорически осмыслены и перенесены на внутренний мир человека, а также представляют собой свернутые метафоры. Более того, следует обратить внимание и на тот факт, что с позиции словообразования, лексемы в основе имеют однослогового корень, и, возможно, сначала были оноματοпозитическими или звукоподражательными словами.

Ключевые слова: внутреннее пространство, сакральный, воспитание, семантика, этимология, лексема, метафора ограничения, удмуртский язык, слова *зйбыт, лачмыт, востэм*.

T.R. Dushenkova

Cognitive metaphor in the «sacred» space of the inner world

Abstract. The article considers the Udmurt words and expressions conveying our emotions and feelings which reveal the inner world of a man. Obviously it is sacred. All «mental activity of a man, primarily a word and ritual texts which contain the important social system of values and meanings», is sacred. Often we use these words in our language, but we can't feel and perceive them as metaphors. In the semantic and etymological analysis of such lexemes the researcher finds interesting images and ideas of our ancestors. In terms of economy these cognitive structures are used by the modern language. Cognitive metaphors create subtle semantically differentiated language of feelings and at the same time they reveal the semantic convergence. The imagery of the metaphor in this case is weakened, it is revealed in the crossing and contamination of images. Sometime we talk about a hidden metaphor. For example, the words denoting the concept of modesty in Udmurt language – *zūbyt, lachmyt, vostjem*, etc. – have meanings of restriction of freedom and (inner) space, the ideas of which are expressed through the linguistic metaphor. The novelty of the research lies in the fact that for the first time in the Udmurt linguistics the cognitive metaphors that reveal the space of the inner world are considered; the relevance of the article lies in the fact that the work is done in line with the modern trends. For the disclosure of the primary semantics it is necessary to delve into their meaning, as well as in the cognitive mechanisms of signification. The analysis of the group of lexemes has allowed us to detect that, firstly, the lexemes are related with the restriction of the inner space of a man; secondly, all they have specific proto-situations which have been metaphorically interpreted and transferred into the inner world of a man, and they represented as the hidden metaphors. Moreover, it is necessary to consider the fact that from the position of word formation the lexemes have one-syllable root, and, probably, initially they were onomatopoeic words.

Key words: inner space, sacred, education, semantics, etymology, lexeme, metaphor of restriction, Udmurt language, the words *zūbyt, lachmyt, vostjem*.

В удмуртском языке лексемы, обозначающие понятие скромности – *зйбыт, лачмыт, востэм* и т. п. – имеют значения ограничения свободы и (внутреннего) пространства, выраженные через языковую метафору. Внутреннее пространство человека, безусловно, является сакральным, поэтому к нему не должно быть доступа, ибо чужое/иное может повредить или осквернить его. Сакральностью также наделялась вся «ментальная деятельность человека, прежде всего слово и ритуальные тексты, содержащие важную для общества систему ценностей и смыслов» [1, 357]. Представление о сакральной природе объекта выражается в запретах и предписаниях, регламентирующих поведение человека в отношении к нему. Индивид, который соблюдает их, является полноправным (и успешным) членом этого общества, он воспитан по его канонам.

Воспитание представляет собой «1. Процесс систематического целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития навыков поведения в обществе, формирование характера и его отдельных черт. 2. Навыки поведения в общественной, личной жизни, привитые семьей, школой, средой» [2, 151]. Традиционное (аграрное) общество со всеми его институтами, семья и т. п. зачастую являются той средой, в которой индивид получает воспитание и формируется как личность.

Воспитанный человек должен знать, как себя вести в обществе, т. е. уметь себя сдерживать, уметь себя преподнести и показать. Он должен быть скромным. Мы говорим: *обуздать себя, обуздать свои чувства, выйти из себя, лезть в бутылку*. Бывает и такое, когда человек испытывает сильные эмоциональные переживания, и тогда он может *выйти из себя, расплескать свои чувства*; чувства и эмоции могут *переполнить чашу терпения* и *опустошить* сосуд. Сравните в удмуртском языке: человек может (метафорически) взорваться – *пуштыны*; его кровь и желчь могут разлиться, разбрызгаться – *вир пальккиськыз, сэн/вир киськыны*; сердце разрываться – *сюлэм пилське*; терпения может не хватить – *чидан уг тырмы*, но он должен держать себя в руках – *астэ кыын возыны*, и т. п. Такое ограничение характерно как для удмуртского, так и для русского и других языков. Ср.: *скромность*,

скромный «(от *крома* ‘граница’, ср. *кромка*; буквально означало ‘ограниченность’) – умеренность во всех желаниях и невзыскательность в отношении себя, незаносчивость, нехвастливость. Возможное проявление – тихий голос, сдержанные телодвижения, сидение на краю стула. Типичная реакция – положительная» [3, 325]. С другой стороны, отсутствие или недостаточность скромности, нетактичность, бесцеремонность всегда осуждались, воспринимались как недостойное поведение. Поэтому, когда индивид может обуздать свои эмоции, чувства и поведение, считается хорошим примером. Такой человек воспитан. Для выражения данного качества зачастую используется одна и та же *метафора*, которая указывает на ограничение.

В данной работе интерес представляет *когнитивная метафора*, которая возникает в результате сдвига в сочетаемости предикатных (признаковых) слов (прилагательных и глаголов), создающих полисемию. Зачастую она выполняет гносеологическую, или познавательную функцию; формирует область вторичных предикатов-прилагательных, глаголов, характеризующих непредметные сущности, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками физических предметов и наблюдаемых явлений. Такого рода когнитивные метафоры создают тонко семантически дифференцированный язык чувств и вместе с тем обнаруживают тенденцию к семантическому сближению. Образность метафоры в этом случае ослабевает, что подтверждается скрещением, контаминацией образов. Иногда говорим о стертой метафоре.

Переходя к лексике, передающей наши эмоции, переживания, мы зачастую перестаем чувствовать и улавливать метафору. Она теряет свою первоначальную семантику, теряет свою образность. Язык же, в целях экономии, с удовольствием использует такие когнитивные структуры.

В удмуртском языке слова *зйбыт, лачмыт, востэм*, обозначающие в той или иной мере скромность, в своей (глубинной) семантике имеют значения ограниченного пространства, связанного также с действием сверху вниз. Прилагательные *зйбыт, лачмыт, лякыт, тупыт, шыпыт, востэм* в сочетании с существительным *адями* ‘человек’ указывают

на спокойного, смиренного, скромного, тихого человека. Такие качества в социуме/обществе воспринимаются как положительные, особенно в аграрном.

Рассмотрим более подробно некоторые из приведенных лексем.

Зйбыт ‘тихий, смиренный, спокойный’ [4, 227]. Однокоренные образования *зйбет* ‘1. гнет, груз 2. *перен.* гнет, кабала, иго 3. давление’ [4, 227], глагол *зйбыны* ‘1. давить, надавить, придавить, прижимать, прижать; примять; сдавить 2. валить, повалить, подмять; *гондыр пуньез зйбиз* медведь подмял под себя собаку 3. *перен.* согнуть, свалить; *куректон сое зйбиз* горе его согнуло 4. *перен.* клонить, одолеть; *секыт малпанъёс зйбизы* тяжелые мысли одолели 5. *перен.* подавить, подавлять, задушить 6. *перен.* угнетать, притеснить, притеснять’ [4, 228] и др. Согласно народной мудрости – *зйбыт луон адямиез чебер каре* ‘скромность украшает человека’.

В близкородственном коми языке *зйб* обозначает ‘шест’ [5, 105], при помощи которого, вероятно, прижимали к земле, в некоторых случаях это могло быть примитивным оружием для охоты на медведя. Это не удивительно, т. к. культ медведя повсеместно известен среди пермских народов. Так же см. выше приведенный пример: «2. валить, повалить, подмять; *гондыр пуньез зйбиз* ‘медведь подмял под себя собаку’» [4, 228].

Таким образом, лексему *зйбыт* можно представить как свернутую метафору: он потому тих, смирен и спокоен, что чем-то «задавлен», возможно, какими-то обстоятельствами, обстановкой, установками. В том числе, это могут быть отрицательные эмоции и чувства, как горе, тяжелые мысли и т. п.

Лачмыт ‘аккуратный; выдержанный; скромный; спокойный, тихий || аккуратно; выдержанно; скромно; спокойно, тихо’. Выражения *лачмыт возыны* ‘1) держать себя аккуратно 2) вести себя скромно’; *лачмыт карыны* ‘1) прибрать, убрать, поставить на свое место (о вещах) 2) усмирить; сделать послушным’; *лачмыт луыны* ‘1) становится спокойным (выдержанным) 2) быть аккуратным 3) успокоиться, присмиреть’ [4, 391]. Удмуртская пословица *лачмыт мурт лек куртче* соответствует русской *в тихом омуте черти водятся* (букв. ‘тихий человек зло кусает’). Прилага-

тельное образовано от слова *лач* ‘1. плотно, наглухо; вплотную 2. аккуратно 3. скромно; спокойно, тихо 4. складно (*говорить*)’ [4, 390]. Ср. выражения: *лач-лач тырыны* ‘сложить вплотную друг к другу’; *лач карон* ‘приведение в порядок’; *лач карыны* ‘1) прибрать аккуратно; навести порядок 2) уплотнить; плотно пригнать’ *лач улыны* ‘жить спокойно’; *лач-лач ворсаны* ‘плотно (наглухо) закрыть’.

Лексему *лачмыт* можно представить как свернутую метафору: он потому аккуратен, сдержан, спокоен, тих и скромнен, что наглухо закрыт, уплотнен/плотно сложен как некий предмет, будь то дверь, бочка или иная бытовая утварь, емкость.

Востэм ‘безобидный, скромный, тихий, добродушный, мягкий, кроткий, смиренный, застенчивый || безобидно, скромно, тихо, добродушно, мягко, кротко, застенчиво’; *востэм адями* ‘смирный (тихий) человек’ [4, 136]. Таким образом, *востэм* имеет положительную коннотацию, нежели отрицательную: *Мылкыдын востэм мурт шудо* ‘человек кроткого нрава счастлив’. Но есть и отрицательные характеристики: *Востэм кочыш юн цабыштэ* букв. ‘тихая кошка сильнее царапает’, *Востэм мурт юн куртче* букв. ‘Тихий человек больше кусает’, *востэм пычей* букв. ‘тихий короed’ (о тихом, но коварном человеке) [4, 23].

Нейтральная лексема *востэм* явно имеет суффикс отсутствия какого-либо признака *-тэм*. Но вот самого корня *вос-* в удмуртском языке не оказалось, к тому же он оказался совершенно не продуктивным, образуя лишь словообразовательный ряд из прилагательных, причастий и глаголов (всего 19 единиц).

В удмуртском языке этимологию слова *востэм* ‘скромный, смиренный, кроткий’, принято выводить из коми *весавны* ‘чистить, счищать, расчищать, очищать’ [5, 53]. Авторы словаря первоначальное значение дают со знаком вопроса (?) ‘чистый, без ненужной примеси, без отрицательных черт’.

Некоторые исследователи (к примеру, Т.Г. Владыкина, С.А. Максимов) считают, что на месте *вос-* мог быть корень *воз(ь)-* (возможно, оглушение перед суффиксом *-тэм*). Тогда оно имеет нечто общее с такими словами как *воз-ет* ‘пеленка’, *возь-ыны* ‘держат, хранить, соблюдать’, *возь-ыт* ‘совесть, стыд’, и даже *возь-яны* ‘занавесить, натянуть занавеску,

накинуть полог'. Кроме того, в удмуртском языке есть диалектное *возь* '1. здоровье, благополучие 2. мир, безопасность' [УРС 2008: 130]. Близко по звучанию и прилагательное *восьмем* 'худой, исхудалый, тощий, истощенный, высохший, отоцалый' [4, 136]. В этом случае можно предположить: *востэм* – лишенный здоровья, слабый, хилый, что приводит к соответствующему скромному поведению.

Отдельную группу синонимов со значением *скромный*, *тихий* образуют слова *либыт*, *лякыт*, *тупыт*, *шыпыт*, в семантике которых обязательная сема спокойный, тихий, вежливый.

Либыт 'вежливый; спокойный || вежливо; спокойно'; *либыт вераськыны* 'говорить вежливо'; глаголы *либаны* 'успокоиться, утешиться; уняться, остыть' или *либатыны* '1. успокоить, утешить 2. принуждать, уговаривать, уговорить' [4, 395]. Не смотря на то, что сложно восстановить прототипическую ситуацию, значение слова указывает на успокаивающее действие. Вполне возможно, это могло быть нейтральное состояние, лишенное какой бы то не было экспрессии.

Лякыт '1. вежливый, обходительный; деликатный || вежливо, обходительно; деликатно; 2. прилежный || прилежно 3. скромный || скромно 4. спокойный || спокойно 5. диал. удобный || удобно'. Например, *лякыт адыми* 'вежливый человек'; *лякыт вераськыны* 'разговаривать вежливо'. Выражения *ляк-ляк ужаськом* диал. 'работаем не спеша, без суеты'; *ляк: ляк голькыт* 'приторный, приторно-сладкий' [4, 417] указывают на переизбыток качества или свойства некоего предмета – слишком; но *кыы ляк-ляк луиз* 'мои руки стали липкими' относится к глаголу *лякыны* 'приклеить'.

Тупыт '1. смиренно, тихо, скромно || смиренный, тихий, скромный'; *туп-туп* диал.: *туп-туп узыр улйзы* 'они жили очень богато'. *тупыт* 2. диал. подходящий, порядочный, приличный' [4, 663]. Очень сложно восстановить прототипическую ситуацию, но семантика слова говорит сама за себя.

Шыпыт 'тихо, молчаливо, мирно || тихий, молчаливый, мирный'; *шыпыт адыми* 'тихий человек'; *пинальёс шыпыт пуко* 'дети сидят тихо' [4, 787]. Выражения *шып-шып* 'тихо'; *шып-шып кариськыны* 'совсем утихнуть (при-

тихнуть)'; *пинальёс шып-шып чалмызы* 'ребята совсем притихли' указывают на приостановку действия.

Несколько особняком стоит *няськыт*. Помимо основного значения, данная лексема привносит оттенок теплоты: *няськыт* 'спокойный; теплый'; *няськыт ву* 'теплая вода'; *педлон няськыт* 'на дворе тепло'; *няськаны* '1. успокоиться, утешиться; 2. теплеть, потеплеть'. Психолингвистический эксперимент может дать ассоциатив *сюлмыз няськаз* 'сердце успокоилось'. Но сравните выражения, где *сюлэм пöзе* букв. 'сердце кипит', *сюлэм бугырьяське* 'сердце волнуется, бурлит', *сюлэм пальккиське* букв. 'сердце выплескивается, разрывается', когда его переполняют разные эмоции – волнение, гнев, негодование. В данном случае можно говорить о температурной метафоре кипения. Кроме того, сердце может оцепенеть от ужаса, испуга, когда температура явно оказывается ниже нуля, а вот состояние комфорта, успокоения – это нормальный режим – *няськыт*. Поэтому сочетание данной лексемы с погодой весьма кстати. Наречно-изобразительное слово *нясь-нясь: нясь-нясь луыны* 'стать мягким (теплым) (напр. о зиме)'; *куазь нясь-нясь улэ* 'погода стоит теплая (мягкая)' [4, 482] вполне употребимо и в сочетании со словом *адыми* 'человек'. Существительное *няськан* в 3 значениях дает отвлеченное философское понятие 'мир, покой, спокойствие; умиротворенность' [4, 482].

Таким образом, анализ лексем позволил установить, что, во-первых, они связаны с ограничением внутреннего пространства человека; во-вторых, имеют конкретные праситуации, которые были метафорически осмыслены и перенесены на внутренний мир человека, т.е. представляют собой свернутые метафоры. Исследователю приходится углубиться во внутреннюю семантику слова, чтобы раскрыть, заложенный в них образ. Такая метафора и является когнитивной, ибо она раскрывает/отражает мыслительные общности свойств реальных или приписываемых вещей/действий. В-третьих, с позиции словообразования, рассмотренные нами лексеммы, в основе имеют однослоговый корень, и, возможно, сначала были ономатопоэтическими или звукоподражательными словами (*зйб-зйб, лач-лач, ляк-ляк, нясь-нясь, туп-туп, шып-шып* и др.).

Литература

1. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5-ти томах [Текст] / под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – 636 с.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст]. – СПб.: Норинт, 2002. – 1536 с.
3. Лetyагова, Т.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь [Текст] / Т.В. Лetyагова, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 424 с.
4. Удмуртско-русский словарь [Текст] / под ред. Л.Е. Кириллова. – Ижевск: [б.и.], 2008. – 924 с.
5. Лыткин, В.И. Краткий этимологический словарь коми язык [Текст] / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. – 432 с.
6. Средства образного выражения в удмуртском языке [Текст] / сост. К.Н. Дзюина. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 144 с.

References

1. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomah* [Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 4, 2009. 636 p.
2. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Norint Publ., 2002. 1536 p.
3. Letyagova, T.V. *Tysjacha sostoyanij dushi: kratkiy psihologo-filologicheskiy slovar'* [A thousands states of the soul: concise psycho-philological dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2006. 424 p.
4. *Udmurtsko-russkiy slovar'* [Udmurt-Russian Dictionary]. Edit. by L.E. Kirillova. Izhevsk: RAN UrO Udm. in-t IYaL Publ., 2008. 925 p.
5. Lytkin, V.I., Gulyaev, E.S. *Kratkiy ehtimologicheskiy slovar' komi yazyka. 2-e izd.* [Concise Etymological Komi Dictionary. 2-nd ed.]: Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1999. 430 p.
6. *Sredstva obraznogo vyrazheniya v udmurtskom yazyke* [The means of the trope in Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1996. 144 p.